

Без любви

Альбина Десницкая

Альбина Десницкая

Без любви

«Accent Graphics communications»

2015

Десницкая А.

Без любви / А. Десницкая — «Accent Graphics communications»,
2015

Рита встретила его в деревенском клубе. Он пришел туда с друзьями, просто заглянул на минутку от нечего делать. Девушка подошла попросить сигарету. Обратилась ко всем сразу, но пачку протянул Игорь. И спросил, не рановато ли ей травить себя никотином. Так завязалось знакомство. Через полчаса необязательной болтовни Игорь предложил прогуляться. Рита не отказалась. Ей было очень приятно общество парня, который намного старше, да еще и приезжий. В деревне все ее знали как Ритку-бродягу. И серьезно к ней никто не относился. Они вышли из клуба. Темнело. На небе радостно светились звездочки. Как светлячки. Рука парня уверенно легла ей на плечи. Стало так хорошо, как никогда в жизни не было. Улица за улицей, проулок за проулком – оказались за околицей. Под легким ветерком вкрадчиво шелестели узорчатые листья рябины. Тяжело покачивались наливающиеся спелостью рябиновые кисти. Август.

© Десницкая А., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	18
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	24
Глава 10	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Альбина Десницкая

Без любви

Глава 1

Рита встретила его в деревенском клубе. Он пришел туда с друзьями, просто заглянул на минутку от нечего делать. Девушка подошла попросить сигарету. Обратилась ко всем сразу, но пачку протянул Игорь. И спросил, не рановато ли ей травить себя никотином. Так завязалось знакомство. Через полчаса необязательной болтовни Игорь предложил прогуляться. Рита не отказалась. Ей было очень приятно общество парня, который намного старше, да еще и приезжий. В деревне все ее знали как Ритку-бродягу. И серьезно к ней никто не относился.

Они вышли из клуба. Темнело. На небе радостно светились звездочки. Как светлячки. Рука парня уверенно легла ей на плечи. Стало так хорошо, как никогда в жизни не было. Улица за улицей, проулок за проулком – оказались за околлицей. Под легким ветерком вкрадчиво шелестели узорчатые листья рябины. Тяжело покачивались наливающиеся спелостью рябиновые кисти. Август.

– Присядем? – голос парня звучал так ласково, так нежно. Никто и никогда не разговаривал таким голосом с Ритой. Парень обнял ее и поцеловал. У нее перехватило дыхание. А потом... А потом все было как во сне.

...Когда небо посветлело, и подул резкий предрассветный ветер, Рита спросила:

– Придешь завтра под нашу рябину?

– Я завтра уезжаю, – ответил парень.

– Во сколько?

– В шесть.

– А я?

– А ты, давай, бегом домой!

Рита вдруг цепко схватила Игоря за руку.

– А вдруг у меня теперь будет ребеночек?

– Сходишь в больницу, сейчас избавиться от нежелательных детей тебе сможет помочь даже медсестра. Я слышал, есть такие таблетки: выпиваешь и на следующий день ты здорова.

– Тебя посадят.

– За что? – удивился Игорь.

– Мне ведь только пятнадцать исполнилось.

– Ух, ты, какая умная. Все-то ты знаешь. Что, в школе хорошо учишься?

– Я закончила девять классов и уже поступила в училище.

– В какое, если не секрет?

– В медицинское, в Дубровске. Возле железнодорожного вокзала.

Знаешь?

– Не-а.

– На следующей неделе начнутся занятия.

– Так ты будешь теперь жить в Дубровске?

– Нет, общагу не дали. Говорят, близко живу. Могу каждый день домой ездить.

– Ого, близко! Сорок минут туда, сорок обратно.

– Ну, они считают, что это близко.

– Так, может, позвонишь? Я в самом центре Дубровска квартиру снимаю.

– Ты же говорил, что в Москве работаешь.

– Работаю в Москве, а живу в Дубровске. У меня график: две недели работаю, две отдыхаю. Ну что, позвонишь?

– Да.

– Говори свой номер. Я его сейчас наберу, а у тебя высветится мой.

С Игорем они расстались на полпути. Он пошел к родителям, которые жили в этой же деревне. Она к себе. Когда подошла к дому, свет не горел ни в одном окне. Рита на минуту вернулась в реальность, и ее охватила ярость. Не хочу домой! Не хочу видеть мать! Никогда! Не хочу видеть, как она позорит себя перед соседями, когда валяется пьяная под забором или на крыльце. Часто на чужом. А бывает, засыпает в кухне на полу. С задранной юбкой, с синим опухшим лицом. В доме прочно обосновался запах перегара. Рите много раз хотелось бросить мать, убежать из этого дома и никогда не возвращаться. Но больше недели она не выдерживала и опять приходила домой. А вот теперь она уйдет навсегда. Уйдет и больше никогда сюда не вернется. Игорь! Игорь Лунов поможет ей начать новую жизнь.

Глава 2

Павел Николаевич Танов писал обвинительное заключение по делу об изнасиловании, когда зазвонил внутренний телефон. Интуиция подсказала, что его хочет слышать начальник отдела Козырев. Сергей Валентинович звонил раз по десять на день.

– Слушаю вас.

– Зайдите, – начальник старался обращаться к Танову на «вы», учитывая его возраст, звание, заслуги и профессионализм. Но иногда в беседе один на один переходил на «ты».

Павел Николаевич догадался: раз обращение на «вы», значит, Козырев в кабинете не один. Неужели опять материальчик опера подкинули? Как всегда, в конце недели и обязательно к вечеру. Чтобы следователю в выходные не скучать. Танов чертыхнулся, хлопнул дверью и пошел в соседний кабинет.

Увидев в кабинете Козырева множество людей, Танов окончательно понял, что в выходные придется работать. Он сел на свободный стул, открыл записную книжку и приготовился делать пометки.

– О похищении ребенка в Дубровске слышали?

– Нет, – удивился Танов.

– Ну как же, телевидение, радио, интернет только об этом и говорят. Первое сообщение появилось два часа назад.

– Да я обвинительное заканчиваю. В понедельник дело сдавать. Когда мне новости слушать?

– Придется отложить. Найдем вам помощника, Павел Николаевич, чтобы закончить обвинительное заключение. А сейчас придется принимать к производству новое дело.

– Как это новое дело?

– А так. В Дубровске возбудили. Но наш главный босс говорит: расследовать его будем мы. Поэтому вы в составе группы из шести человек сегодня отправляетесь в Дубровск.

Танов понял, что решение о включении его в следственную группу и командировка в Дубровск обжалованию не подлежат. Если расследованием будет заниматься главное управление, значит, дело имеет особую важность.

– С материалами ознакомиться можно?

– Конечно. Коллеги все послали факсом, – Козырев протянул Танову бумажную папку.

– Во сколько выезжаем?

– Поедете двумя машинами в девять вечера. Чтобы все смогли собраться, потому что там придется жить не один день. Даже если ребенка найдут, расследовать это дело и доводить его до ума придется нам.

– Тогда я могу идти?

– Можете. В девять без опозданий.

Танов вернулся в свой кабинет, положил перед собой материалы. Не все документы имели хорошее качество и не все были читаемы. Но постановление о возбуждении уголовного дела получилось разборчивым. Он пробежал глазами фабулу, из которой следовало, что в Дубровске второго марта в тринадцать сорок пять на улице Яблочкова возле зоомагазина неустановленное лицо похитило коляску, в которой находился ребенок в возрасте восьми месяцев.

Танов не стал тратить время на другие документы. Половина шестого. Надо успеть добраться до дома, собрать вещи, поужинать и хотя бы к половине девятого вернуться в контору. Он позвонил жене.

– Привет, ты уже дома?

– Привет. Подхожу. Ты что, сегодня пораньше? – обрадовалась Тамара.

– Да, пораньше. Но заскочу совсем на чуть-чуть. В командировку отправляют.

- Куда?
- В Дубровске ребенка грудного похитили, слышала?
- Да, слышала, каждые пятнадцать минут по радио говорят.
- Я скоро приеду. Приготовь что-нибудь перекусить.
- Хорошо, – без лишних вопросов согласилась жена.

Танову удалось добраться до дома всего за сорок минут. Он открыл дверь своим ключом, вошел в квартиру и с удовольствием почувствовал аппетитный запах жареного мяса. На кухне лилась вода, шипела сковородка, поэтому Тамара не услышала, как он вошел.

- А Ванька где? – Танов поцеловал жену куда-то в ухо.
- Ой, как ты меня напугал. Ты что так тихо?
- Да нет, это ты из-за воды не слышишь.
- Ванька на улице с ребятами. А ты надолго в Дубровск?
- На неделю точно, а там видно будет.

Ему вдруг так захотелось остаться дома. Запах вкусной еды, Тамара в домашнем свитере, Ванька сейчас вернется с улицы. Как хорошо... Чтобы совсем не размякнуть, он пошел собирать вещи и принимать душ.

Глава 3

События в Дубровске развивались так. Возле зоомагазина, где была похищена коляска с ребенком, собралась толпа. Люди суматошно бегали вокруг дома, прочесывали соседние дворы, заглядывали в подъезды. Через двадцать минут после происшествия приехала полицейская машина. Спустя какое-то время в подъезде дома на параллельной улице нашли коляску. Это была именно та коляска, которую похитили, но только ребенка в ней уже не было.

Безутешная мать сидела на крыльце неподалеку. Она не плакала, не кричала, не поднимала лица. Казалось, у нее просто не было на это сил. Ее звали Ястребова Маргарита Сергеевна.

Кречетов подошел к Маргарите Сергеевне и представился:

– Меня зовут Владимир Иванович, я следователь Следственного комитета. Мы постараемся сделать все возможное, чтобы в кратчайшие сроки найти вашу дочь. Нам необходима ваша помощь. Очень многое зависит именно от вас. Давайте пройдем в машину, там можно спокойно поговорить.

Рита, не отвечая и не поднимая головы, встала и прошла к машине.

Они сели на заднее сиденье. Так Кречетову удобнее: он видит лицо человека.

– Расскажите подробно, что произошло, – у полицейского на коленях лежала папка, на ней чистый лист бумаги, в руке он держал карандаш.

– Я вышла на прогулку со своей дочерью, – Маргарита вела себя спокойно, говорила монотонно. – Решила зайти в зоомагазин.

– Уточните, пожалуйста, во сколько вы вышли из дома, – перебил ее следователь.

– Примерно в час дня.

– То есть до момента похищения вы уже сорок пять минут гуляли?

– Нуда, где-то так, – подтвердила молодая женщина.

– А где именно вы гуляли?

– Возле дома. Мы никогда далеко не уходили, – она смотрела в одну точку, взгляд был совсем отрешенный.

– Уточните, где именно возле дома, – Кречетов всегда допрашивал очень подробно, старался не упустить ни одной детали. Тем более если это допрос, что называется, по горячим следам. – Вы ходили вокруг дома или же стояли возле подъезда?

– Ну, постояли возле подъезда, потом прошли к детскому магазину, я купила там игрушку для Леночки, потом я купила в палатке воду, а затем дошли до зоомагазина и... – она закрыла лицо руками и разрыдалась.

Опытный следователь дал женщине время, чтобы она успокоилась, и, как ни в чем не бывало, продолжал:

– А почему вы не взяли коляску с собой?

Несчастливая мать тяжело вздохнула, нижняя губа ее заметно задрожала:

– Я не смогла бы поднять ее по лестнице. Я вообще стараюсь одна не выходить на улицу, мне тяжело поднимать коляску по ступенькам. Обычно помогает Игорь.

«Наверное, так зовут отца пропавшей девочки», – догадался Кречетов.

– Хорошо, а почему вы не взяли ребенка с собой в магазин, оставив коляску на улице?

– Ну, так она же спала, и я всего на одну минутку забежала в магазин.

– А какая необходимость заставила вас заходить в зоомагазин и оставлять коляску с ребенком на улице?

– У меня дома кот, у него закончился корм и наполнитель для туалета тоже. Вот я и забежала на минутку, чтобы купить все это.

– Кто-нибудь возле магазина был, когда вы туда заходили?

– Нет, на улице вообще никого не было.

– Похоже, похищение спланировали заранее. Вы не видели подозрительных людей? Может быть, кто-то запомнился?

– Не знаю, я не смотрела по сторонам, – Рите совсем не хотелось разговаривать. Единственным ее желанием было поскорее попасть домой, чтобы хоть как-то успокоиться после этого кошмара. Но, к сожалению, домой она пошла не одна. С ней туда отправились полицейские, чтобы провести осмотр помещения, где проживал ребенок.

Два часа осматривали квартиру, хотя квартира однокомнатная. Перетрясли все вещи, особенно детские. Нашли фотоальбом. Один сотрудник рассматривал его не менее пятнадцати минут. Потом начал расспрашивать, кто на этих снимках сфотографирован. Рите казалось это бессмысленным. Она не понимала, что они ищут. Самый старший на вид полицейский объяснил, что они ищут зацепку. Возможно, ребенка похитили люди, которых Рита знала. И которые бывали в ее квартире. Такое встречается в практике. Преступления совершаются из чувства мести, зависти, ревности.

Затем составляли какие-то бумаги, Рита их подписывала. Потом ее опять допрашивали, только теперь другой следователь. Он спрашивал о том, с кем Рита общается, кто мог знать, в какое время она ходит гулять с ребенком. С кем она разговаривала сегодня по телефону. Кто из соседей мог видеть, что она вышла на прогулку. В общем, пустая трата времени. Не там ищут.

После этого бегали по соседям, опрашивали их. Все это закончилось только к десяти вечера.

Оставшись одна, Рита подошла к зеркалу. Лицо настолько измученное и уставшее, что можно сразу десяток лет накинуть. Она взяла расческу и провела ею по своим длинным темным волосам несколько раз. Ее здоровые густые волосы всегда смотрелись очень красиво, красивые они были и сейчас. С тех пор как она переехала в Дубровск и начала жить с Игорем, Рита очень изменилась. В родных Перелазях ее могут не узнать. Надо же, из такой замарашки получилась довольно интересная дама. Впрочем, после рождения Леночки Рита больше в деревне не была. Знает ли ее мать, что стала бабушкой? Знает ли, что случилось с внучкой? Гребень в руке Риты перестал расчесывать красивые волосы. Глаза наполнились слезами. Господи, за что такие муки?

Глава 4

Игорь узнал о случившемся от жены. Он не состоял в официальном браке с Ритой, но они считали себя мужем и женой, так как не только совместно проживали вот уже три года, но и имели общего ребенка. Рита позвонила ему сразу после ужасного происшествия, но он не ответил. Она дозвонилась только к вечеру. Игорь пообещал взять отпуск за свой счет и как можно скорее вернуться в Дубровск.

Рита весь день была дома. Но ни одной минуты ей не давали покоя полиция, репортеры, знакомые, которые постоянно звонили. Приходили с канала «НТВ», предложили сделать заявление на всю страну с просьбой вернуть дочь. Это было нелегко. Как только включили камеру и поднесли микрофон, у Риты по щекам покатились слезы. Но она заставила себя говорить: «Я обращаюсь к тем, кто похитил нашу девочку. Верните ее, пожалуйста! Мы ее очень любим!». Потом разрыдалась, уткнувшись в подушку лицом.

Вскоре не только по НТВ, но и по другим каналам показали ролик с несчастной матерью, которая просит лишь одного – вернуть ее ребенка. Показали комнату, где жила девочка. Вот ее кровать, игрушки, распашонки, ее любимый резиновый лягушонок, а самой девочки нет...

Рита второй день подряд покорно выполняла все, что от нее требовалось. Давала интервью, общалась с полицией. Только никого из близких, подруг, родственников видеть не хотела. Поэтому всем отвечала по телефону, чтобы пока ее не навещали. Единственным человеком, которого она ждала с нетерпением, был Игорь. Когда он, наконец, приехал, Рита находилась дома уже одна. Он, не разуваясь, прошел в комнату.

– Игорь, – прикрывая ладонью глаза, начала всхлипывать жена.
– Хватит, – оборвал он ее, – не до тебя сейчас. И так тошно.
– Тебе надо завтра пойти в полицию. Я им сказала, что ты сегодня приезжаешь.
– Мне-то что там делать? Все случилось из-за тебя!
– Следователь сказал, что с тобой тоже надо побеседовать. Он говорит: это очень важно.
– Что они еще говорят? Они вообще ее ищут или только с нами беседовать будут? – он кричал так, что наверняка было слышно в соседних квартирах. – Тебе, надеюсь, туда больше не надо идти?

– Надо. Меня вызвали завтра прямо с утра.

Игорь сжал кулаки. Он был на грани срыва. Рита разрыдалась. Она не понимает, почему муж так агрессивен. В чем ее вина? Она не понимает, зачем ее вызывают к следователю. Все, что требовалось, она уже рассказала. Вообще, что эта полиция хочет от нее, несчастной матери похищенного ребенка? И от отца, который ни сном, ни духом...

Рыдания стихли. Игорь пошел в душ. Рита бродила в пижаме по квартире, не зажигая света. Заварила в стакане чай из пакетика и села у окна на кухне, глядя на улицу. Снегу в этом году много, и он не собирается таять. Поэтому, несмотря на поздний час, не было ощущения полной темноты. А вот на улице зажглись фонари. Рита подошла с чаем к зеркалу в прихожей. Вгляделась. Лицо сегодня довольно-таки свежее. Никаких синяков и припухлостей под глазами. Она всегда должна хорошо выглядеть. Даже сейчас. Она должна нравиться своему мужу и соответствовать ему. Ведь он такой красивый мужчина. Высокий, с хорошей фигурой. Черные волосы, голубые глаза. В двадцать семь лет у него уже третья жена и четверо детей. Это говорит о том, что он нравится женщинам. Конечно, нравится. Такой красавчик. А уж как он нравится ей, Рите...

Зазвонил домашний телефон. Рита, взявшись за трубку, передумала ее снимать. На сегодня ей достаточно общения. Она устала объяснять всем, что и как произошло. Скорее всего, звонит кто-то из знакомых, чтобы опять начать ей сочувствовать, успокаивать, говорить ненужные слова. Неужели люди не понимают, что делают ей только больнее? Она и так ни

на минуту не забывает о пропавшей дочери. Все в этой квартире напоминает о девочке. Ее кровать, коляска, игрушки, стульчик для еды, ее вещи, разбросанные на кресле, на кровати, на гладильной доске. Особенно этот резиновый лягушонок, с которым так любила играть ее девочка.

С тех пор, как родилась дочь, Рита никогда не оставалась одна. С ней всегда была Леночка – и днем, и ночью. И теперь казалось, что какая-то пустота навсегда поселилась в ее душе. Она взяла на руки своего любимого кота и начала его поглаживать. Это успокаивало.

Послышался звук открывающейся щеколды, это Игорь вышел из душа. На бедрах было намотано полотенце.

– Ну что? – Игорь продолжил неоконченный разговор.

– Что? – недоуменно переспросила Рита.

– Завтра что собираешься делать у следователя?

– Откуда я знаю? Ты думаешь, мне приятно каждый день объяснять им одно и то же, отвечать на ненужные вопросы?

– Зачем тогда идешь?

– Я же тебе говорю, меня вызвали.

– Это твое право решать: идти туда или нет, – он опять повысил голос. – Ты же не преступница, а всего лишь потерпевшая. У тебя могло подняться давление от переживаний или просто заболеть голова.

– Тогда они придут сюда, – Рита будто оправдывалась.

– Раньше надо было думать! – Игорь ушел на кухню и хлопнул дверью, давая понять, что разговаривать больше не желает.

Глава 5

Танов вместе со всей командой командированных московских сотрудников прибыл в Дубровск в три часа ночи. Водитель сразу нашел гостиницу «Голубая лагуна», в которой было забронировано несколько номеров для москвичей.

Расположена гостиница поблизости от Следственного комитета – это очень хорошо. Номер у Танова оказался достаточно комфортным. Удобная кровать. Чистый санузел. Завтрак включен в стоимость проживания. Так что можно с головой окунуться в работу.

Время было уже очень позднее. Завтра, даже точнее – сегодня к девяти надо быть на рабочем месте. Поэтому Павел Николаевич снял обувь и, не умываясь, даже не раздеваясь, улегся поверх покрывала и сразу же уснул.

Проснулся он по будильнику в семь тридцать, а к девяти, как положено, прибыл в контору. Его проводили в отдельный кабинет на третьем этаже. Ведь именно Танова назначили руководителем оперативно-следственной группы, поэтому его никак нельзя посадить в кабинет, где еще пять сотрудников заняты каждый своим делом: кто звонит по телефону, кто допрашивает людей, кто беседует с адвокатом, а кто вообще слушает аудиозаписи телефонных переговоров подследственных.

Павел Николаевич первый день решил посвятить изучению материалов дела и составлению плана расследования. Во второй половине дня должны были совещаться у генерала. Танов начал читать показания потерпевшей, чтобы понять, что и как произошло. В показаниях Ястребовой ему многое было не ясно. Вызывало недоумение место похищения – возле зоомагазина. Мать ребенка утверждает, что имеет кота и зашла в магазин купить ему корм, а также наполнитель для туалета. Но это же абсурд какой-то! Ни одна нормальная мать не бросит своего грудного ребенка на улице без присмотра. Да еще из-за чего? Из-за какого-то кота. Танов и сам любил животных, но предпочесть нужды кота нуждам ребенка? Он начал составлять список вопросов, которые завтра задаст Ястребовой. Затем перечитал протокол допроса потерпевшей второй раз и внес в список еще несколько вопросов, которые не задал допрашивавший ранее здешний следователь. Вот, например, состоит ли Ястребова в официальном браке или просто проживает с отцом ребенка? Это важно. Ей ведь всего восемнадцать лет! Значит, ребенка она родила в семнадцать, а забеременела в шестнадцать лет. Даже если она родила раньше времени, все равно забеременела-то в шестнадцать. Кстати, родилась девочка доношенной или нет – тоже надо узнать. Кроме того, Танов сделал пометки, что необходимо поговорить с врачом, который наблюдал Ястребову во время беременности, с педиатром, который наблюдал новорожденного ребенка. Надо выяснить, как мать относилась к беременности, к рожденному ребенку. Смущает ее возраст. Мало кто в столь юном возрасте осознанно хочет ребенка и готов к его воспитанию.

Кстати, а чем занималась девушка до того, как забеременела? Училась в школе? Или уже в техникуме, в училище? А может быть, пошла работать? В протоколе на первой странице написано: не учится, не работает. А в характеризующем материале лежит запрос в медицинское училище. Ответа пока нет, мало времени прошло, не успели ответить. Уже закончила училище? Хотя, вряд ли. Она бы его никак не успела закончить. Там ведь учатся года три или четыре, а она уже в шестнадцать забеременела, в семнадцать родила.

Каждый следователь допрашивает по-своему. Это понятно, ведь и думает каждый человек по-своему. Танов всегда начинал допрос с мельчайших подробностей, выискивал в показаниях какие-то зацепки, потом выстраивал версии.

Были ли у Ястребовой враги? Может быть, кто-то просто ей мстит? Если даже она считает, что врагов у нее нет, в любом случае надо расспросить о ее окружении. Возможно, она даже и не подозревает о том, что у нее есть враги. Надо ехать в эту деревню Перелазы, откуда

она родом, допрашивать учителей в деревенской школе, где она училась. Найти подруг. А вдруг ниточка тянется еще с давних пор? Это вполне логично: те, кто остался в деревне, могли завидовать Рите. Она уехала жить в большой город, живет с мужчиной, родила от него ребенка. Есть чему позавидовать.

К своим тридцати семи годам Танов, работая в следственных группах, многое повидал. И зависть, и ревность, и злость, и жадность – все может быть мотивом преступления. Если брат брата за наследство убивает, то, что тут вообще говорить? В последнем уголовном деле, которое он расследовал, муж нанял киллера, чтобы убить свою жену. Она подала на развод и на раздел имущества – вот и поплатилась жизнью, двое детишек сиротами остались. Дело расследовалось три месяца. Вначале Павел Николаевич и подумать не мог, что такой законопослушный гражданин способен заказать свою жену. Но в итоге он все же нашел убийцу.

В половине девятого утра Рита отправилась к следователю. Она вышла, даже не позавтракав. Впрочем, и еды в доме не было. Она села в маршрутное такси. В машине было тепло, и Рита с тоской смотрела в окно на серый и холодный город. Солнце только начинало пробиваться сквозь облака, раздвигало их, и оттуда просвечивала резкая синева.

Рита вышла на нужной остановке, на крыльце Следственного комитета закурила. Подошел уже знакомый ей полицейский. Он, кажется, был у нее в квартире в день, когда пропала Леночка.

– Вы, наверное, к Кречетову? – спросил полицейский, сразу узнав главную героиню истории, связанной с похищением ребенка.

– Да, к Владимиру Ивановичу, – ответила Рита, выдыхая дым.

– Пойдемте, провожу.

Они зашли в здание, сотрудник показал удостоверение и пояснил охране, кивнув на Маргариту:

– На допрос к следователю, я проведу.

Потом они оказались у открытой двери кабинета, в котором за столом сидел следователь Кречетов. Парень, который привел ее, подошел к следователю, поздоровался за руку, спросил:

– Ее к тебе?

– Ко мне, – Кречетов указал Рите на один из стульев, выставленных в ряд возле стены: – Посидите пока. Сегодня с вами будет беседовать следователь из Москвы. Он сейчас подойдет.

«Сейчас подойдет» обернулось в тридцать минут ожидания, после чего у Кречетова зазвонил телефон. Рита не слышала, о чем разговор, но когда Владимир Иванович ответил: «Хорошо», поняла, что сейчас ее отведут к другому следователю. Почему к другому? Этот вроде вполне солидный и он начал заниматься делом с самого начала. Рита вообще рассчитывала провести здесь не более двадцати минут, а теперь, что же, новому следователю все заново рассказывать?

– Пойдемте, – Кречетов поднялся и первым вышел в коридор. Рита вышла следом. Следователь повел ее на третий этаж.

– Товарищ подполковник, вот мама пропавшей девочки – Ястребова Маргарита Сергеевна. Оставляю ее вам, если что, я на месте.

– Хорошо.

У Риты мурашки побежали по коже. Павел Николаевич Танов производил впечатление очень сурового следователя. Такое строгое лицо, такой пронизывающий взгляд! Из-под очков на нее изучающе глянули холодные зеленые глаза. Затем следователь перевел взгляд на свои бумаги. Никакого внимания ей, Рите. Вот это да! Она-то думала, тот следователь, Владимир Иванович, здесь самый главный, а этот еще круче.

– Присаживайтесь, – наконец обратился он к потерпевшей, – беседа у нас с вами будет долгой.

– Как? Но я не могу здесь долго находиться! У меня дела!

– Вы заинтересованы в том, чтобы ваша дочь нашлась?

– Конечно.

– Значит, должны выполнять все, что говорят вам сотрудники полиции и Следственного комитета.

Рита покорно опустила на стул. Стало понятно, что весь день придется провести именно здесь.

– Давайте сначала побеседуем с вами без протокола, – предложил Танов и снял очки, – а потом я все запишу.

– Хорошо.

– Скажите, сколько у вас детей?

– Одна дочь, – Рита отвечала прямо на поставленный вопрос, хотя не видела в нем никакого смысла. Все знают, сколько у нее детей. Непонятно, зачем здесь комедию ломать?

– Это у вас была первая беременность? Других не было?

– Ну, если у меня один ребенок, значит, и беременность первая.

– Я имею в виду прерванные беременности, аборт, выкидыши. Иногда случается так, что ребенок рождается мертвым.

– А вы что, гинеколог?

– Шутки здесь неуместны. Вы находитесь в Следственном комитете, на допросе у следователя.

– Не было у меня аборт и выкидышей. Забеременела и родила.

– Как протекала беременность?

– Без осложнений, – Рите не хотелось пускаться в подробности. – Что с моей дочерью, вы ее ищете? – она попыталась сменить тему, не дать следователю задать очередной вопрос. – Сегодня всю ночь мне снилась Леночка. Я сойду с ума.

– То есть ребенок родился доношенный и абсолютно здоровый? – следователь, кажется, ее не слышит и продолжает задавать дурацкие вопросы. – Какой вес при рождении?

– Я не знаю.

– Что записано в медицинской книжке ребенка? Там обязательно должен быть записан рост и вес.

– Я не помню, – она закрыла лицо руками и начала всхлипывать. – Я родила ее дома.

– Маргарита Сергеевна, отвечайте прямо на поставленный вопрос, – Танов смотрел на женщину без всякого сожаления. – Кто принимал роды?

– Мой муж.

– В больницу не обращались?

– Когда уже начались роды, Игорь вызвал «Скорую». Но к их приезду я родила.

– Почему рожали дома, а не в родильном доме?

– Я не знала, что подошел срок. Леночка родилась раньше, чем я рассчитывала.

– Так, значит, все-таки родилась недоношенная? А врачи в консультации, где вы состояли на учете, это не предвидели?

– Я не состояла на учете, – Рита опять начала всхлипывать. – Можно на сегодня закончить?

– Я сам решу, когда нам закончить. Постарайтесь не отвлекаться, не задерживайте ни меня, ни себя. Мы пытаемся найти вашу дочь, и только вы можете нам помочь.

Вздыхом, обозначавшим не слишком сильный протест, Ястребова дала понять, что продолжит отвечать на вопросы следователя. Уже битых два часа длилась эта беседа. Ее раздражало то, что Танов докапывался до совсем ненужных деталей, ведь рост и вес ребенка при рождении не имеют никакого значения в настоящее время. Леночку похитили, но вместо того, чтобы искать малышку, Танов занимается бесполезным делом. Рита остро ощущала чувство

голода, ее даже подташнивало. После допроса с ней должен был еще поработать психолог. Тоже непонятно, зачем это надо. Ведь с ней все в порядке, она не сумасшедшая.

– Давайте продолжим, – Танов оторвал взгляд от компьютера и посмотрел на Риту. – Получается, гражданка Ястребова, вы относились абсолютно беспечно к своему ребенку и во время беременности, и после его рождения. За медицинской помощью не обращались, обследования не проходили, рожали дома. Как на это смотрел ваш муж? Он тоже сторонник того, что новорожденному не нужна помощь специалистов?

Впервые голос Риты стал резким, а взгляд яростным:

– С чего это вы вдруг делаете такие выводы? Я же вам говорю, когда начались роды, Игорь вызвал «Скорую». Леночку забрали в больницу, потому что врачи сказали, что ребенок недоношенный и его необходимо поместить в больницу. Ее вернули мне только спустя два месяца.

– Почему через два месяца? – Павел Николаевич знал ответы на все вопросы, которые сейчас задавал Ястребовой. Характеризующий материал на похищенную девочку и ее родителей собрали в течение двадцати четырех часов после случившегося. И он успел ознакомиться с делом. Но ему хотелось услышать, что скажет мать ребенка, узнать ее отношение к этому.

– Она находилась в отделении патологии недоношенных детей, за ней наблюдали врачи.

– Где эти два месяца были вы?

– Дома.

– Почему не находились рядом со своей новорожденной дочерью?

– Потому что я очень переживала за нее, мне лучше было всего этого не видеть.

– Вы навещали ребенка в больнице, интересовались ее здоровьем?

– Я плохо себя чувствовала, поэтому не могла выходить из дома.

– Вы кормили ребенка грудью?

– Зачем вы задаете глупые вопросы? – опять не выдержала Ястребова. – Если она находилась в больнице, а я дома, то как ее можно было кормить грудью?

– Я последний раз вас предупреждаю: не стоит отвечать вопросом на вопрос. Если я спрашиваю, это важно. Вы могли два месяца поддерживать молоко, чтобы оно не пропало. Либо быть донором, выкармливая чужого ребенка, кстати, многие так делают. Либо сцеживать молоко, в наше время это несложно. Этим молоком могли кормить вашу дочь. Я, мужчина, должен объяснять вам, женщине, не так давно родившей, как и что делают кормящие матери?

– Нет. Не кормила.

– А где все эти два месяца был ваш муж?

– Он сразу после рождения ребенка уехал на работу, в Москву.

– И за все время ни разу не появился дома?

– Нет, он приезжал, конечно. Но к ребенку его бы не пустили. Он это понимал и не настаивал.

– Хорошо. Расскажите о вашей учебе. Вы же где-то учились, верно?

– Да, я училась в медицинском училище, но когда забеременела, мне пришлось бросить учебу.

– Продолжать не собираетесь?

– Меня же уже отчислили. Да и как учиться с грудным ребенком? Мне ведь никто не помогает.

После этих, на Ритин взгляд совсем ненужных вопросов Танов перешел к основным, касающимся непосредственно похищения.

– Где вы находились, когда вашу дочь похитили?

– Я же уже отвечала на эти вопросы, – возмутилась измученная Ястребова, – на это место приезжала полиция.

– Отвечайте, пожалуйста, прямо на поставленный вопрос, – еще раз напомнил ей следователь. – Где вы находились, когда вашу дочь похитили?

– Я зашла в зоомагазин.

– Зачем вы туда зашли?

– Чтобы купить корм для кота и наполнитель для туалета.

– У вас есть кот? – Танов сделал вид, что слышит об этом впервые. – Да.

– Мне кажется нелепым содержание в одной квартире новорожденного и животного. Ребенку в это время нужен особый уход и, конечно же, чистота. Как на это смотрел участковый врач?

– Нормально.

– Вы отправились в зоомагазин, тем самым предпочитая интересы кота интересам ребенка?

– Мне всего лишь надо было купить корм и наполнитель, я зашла на одну минуту.

– А не могли бы вы вспомнить, имеются ли у вас, скажем так, враги? Может быть, кто-то вам завидовал? Или в деревне, где вы жили, осталась давняя любовь? Может быть, вам кто-то угрожал? Постарайтесь вспомнить. Не торопитесь.

– Нет. У меня не было подруг, мне никто не мог завидовать. И до Игоря меня никто не любил, я даже ни с кем не целовалась. Это исключено.

Танов задумался. Правду ли она говорит? Или что-то все-таки скрывает? Сейчас это вряд ли выяснишь, раз она сама не хочет рассказать. Надо ехать в деревню и разговаривать с местными жителями.

– На сегодня достаточно. Продолжим завтра. В какое время подойдет ваш муж?

– Я не знаю, – она говорила правду, так как подозревала, что муж вовсе не собирается сюда приходить.

– Понятно. Будем ему звонить. Сейчас с вами займется психолог, а затем пойдете домой. Завтра жду вас к десяти. Постарайтесь без опоздания.

Глава 6

Игорь в одних трусах расхаживал по квартире. Он часто так делал, не любил натягивать на себя лишнюю одежду, находясь дома. Большими шагами обходил свое неказистое жилье. От окна к двери. Из комнаты в кухню. Снова к окну. Опять к двери. Смутная тревога не давала остановиться. Наконец, заварил чай, сел за стол. Задумался. В съемной квартире, где он жил с женой и дочерью, мебель из позапрошлого века, старушечья. Да здесь и жила прежде старушка, а когда она умерла, ее сын сдал эту квартиру Игорю. До того, как появилась Рита, он жил тут один. После ухода от предыдущей жены, с которой он жил в ее собственном доме. Уходил со скандалом, поэтому отношений ни с бывшей женой, ни с сыном не поддерживал.

Всего у него четверо детей. Дочь, которую два дня назад похитили, сын от предыдущего брака и еще двое детей, которых родила Алина. С Алиной он сошелся совсем мальчишкой. Когда родился первый сын, отцу было всего восемнадцать. Через год родился второй. Алина была старше Игоря лет на десять. Красивая, яркая. Но бесхозяйственная. Ни порядка в доме, ни ужина, ни тишины. Игорь сопротивлялся как мог такому образу жизни. Алина твердила о его агрессивном характере. Какая уж тут совместная жизнь? Расстались.

Игорь, может, и был агрессивным, но этому существовало оправдание. Он был старшим ребенком в семье. Если младшие набедокурят, доставалось Игорю. Отец всегда винил его в том, что он не уследил за младшими. Отец был суров, строг, как и положено человеку, всю жизнь прослужившему в полиции (тогда еще милиции). Мог и обругать, мог и наподдать так, что мало не покажется. Мать была женщиной с более мягким характером, но не имела привычки вмешиваться, когда отец наказывал детей. В семье было так заведено. Игорь в детстве часто злился на отца. Он злился и на мать, потому что она не заступалась. Он часто злился на младших братьев, потому что именно из-за них ему доставалось. Иногда забивался как волчонок в угол и мог сутки там сидеть. Без еды и питья. Так и сформировался его агрессивный характер.

Игорь допил чай и вернулся в комнату. Возле дивана валялся резиновый лягушонок. Когда родилась дочь, они с Ритой купили эту игрушку. Он пнул лягушонка с такой силой, что тот пролетел через всю комнату и приземлился в ведро с большим комнатным цветком. Игорь не мог больше вспоминать о ребенке, поэтому начал пинать все, что попадалось на глаза: детскую кроватку, коляску, игрушки, одежду.

Мобильник издал два сигнала. Сообщение от Риты: «Вышла от следователя, иду к психологу».

– Черт, – выругался Игорь. – Зачем этой дуре понадобился психолог? Что она там задумала? Ну, я этой дряни покажу, пусть только домой вернется. Сказал же ей: сиди дома, не высывайся, – когда рядом никого не было, Игорь всегда разговаривал сам с собой – такая у него была привычка.

От активных действий ногами он перешел к активным действиям руками. Теперь он бил кулаком в бетонную стену и успокоился только тогда, когда почувствовал боль. Костяшки правой руки сочились кровью.

Прилег на диван. Не лежалось. Не сиделось. Жена вернется не раньше пяти. Игорь решил выйти прогуляться. Дома находиться просто невозможно. Ему надо выпить пива, чтобы прийти в себя – нервы совсем разгулялись. А самое лучшее – заглянуть в узбекский ресторанчик и пообедать.

Глава 7

Психолог, молодая, симпатичная, хорошо одетая женщина, в отличие от следователя Танова казалась очень добродушной. От нее исходил тонкий аромат неизвестных духов. Все в этой женщине – от аккуратно уложенной прически до свежего маникюра – понравилось Ястребовой.

– Здравствуйте. Меня зовут Наталья Михайловна. Меня пригласили в Следственный комитет специально для беседы с вами, – голос звучал мягко, ласково. – У вас сейчас очень непростой период, поэтому поддержка специалиста просто необходима. Сотрудники полиции и Следственного комитета делают все возможное, чтобы найти вашу дочь. Вероятность того, что ее найдут – высока. Прошло не так много времени с момента похищения.

Ястребовой было приятно слушать голос Натальи Михайловны, но участвовать в разговоре не хотелось. Она не плакала, не всхлипывала, не закрывала лицо руками. Она просто впитывала кожей этот умиротворяющий голос. Как будто погружаясь в теплую воду, пахнущую праздником, вечным праздником обеспеченной и сытой жизни...

– У вас есть кто-нибудь из близких родственников, кроме мужа, кто мог бы временно переехать к вам, чтобы побыть с вами?

– Я не хочу, чтобы со мной рядом кто-то находился. Мне и без того очень тяжело.

– Дело в том, что вас должен кто-то поддержать, – Наталья Михайловна была опытным специалистом, хорошо знала, как вовлечь в разговор даже самого необщительного пациента. – Ведь ваш муж тоже переживает случившееся, вам обоим нужна поддержка близких людей.

– Мне очень тяжело. Вы понимаете, у меня пропал ребенок! – Рита отвернулась и начала всхлипывать.

– Хорошо, если вам лучше одной, я не буду настаивать. Это просто был мой совет. А по телефону вы поддерживаете связь с кем-нибудь из родственников или друзей?

– Да, если мне звонят, я с ними разговариваю. Сама никому не звоню. А сейчас, как вы понимаете, телефон не умолкает. Но мне от этого только хуже.

– Вам нельзя оставаться наедине с собой и своими мыслями. Старайтесь как можно больше общаться с другими людьми.

– Куда уж больше! Я каждый день общаюсь с полицией. Каждый день мне задают одни и те же вопросы, которые вряд ли могут помочь найти мою девочку.

– Следователь пытается вам помочь, – голос психолога стал еще более задушевным. – Ведь он – профессионал своего дела. Ему важна каждая деталь. Чем терпеливее и ответственнее вы будете к этому относиться, тем скорее найдут ребеночка. У следователя, который занимается розыском вашей дочки, почти нет нераскрытых преступлений. Наберитесь терпения. Вы же очень мужественная женщина. Рита, может быть, при общении со следователем вы нервничали, поэтому могли упустить какую-нибудь важную деталь? Постарайтесь вспомнить все, что было в день похищения Леночки.

– Вы же понимаете, что мне тяжело об этом говорить. Я не могу все время это вспоминать, – Рита закрыла лицо руками, показывая, насколько ей нелегко говорить о происшедшем.

– Ну, успокойтесь, пожалуйста. Давайте поговорим о вас. Мне необходимо понять, как вам можно помочь. Скажите, вас не мучает бессонница? Или, наоборот, повышенная утомляемость. Вы засыпаете в обычное время? Сон крепкий или прерывистый?

– Какой у меня может быть сон, я не засыпаю ни на минуту. Если и пытаюсь прилечь, то только на короткое время, но заснуть не удается. У меня перед глазами все время стоит моя дочь.

Поведение Риты казалось Наталье Михайловне не совсем убедительным. Почти два часа она проработала с потерпевшей, прежде чем вынесла заключение, в котором написала, что

«клинико-психологических признаков переживания, острой реакции горя или утраты у Ястребовой не имеется. Наблюдается попытка произвести впечатление переживания. Имеет место умеренный (средний) уровень нервно-психического напряжения, оптимальный уровень активированности нервной системы, что характерно для человека при выполнении деятельности, направленной на достижение значимой цели. В целом установлена противоречивость спектра эмоциональных переживаний, его несоответствие экстремальному характеру ситуации потери ребенка, самоотчету, индивидуально-психологическим особенностям и профилю стресс-реагирования, определяющим особенности поведения и эмоционального реагирования Ястребовой М. С. в стрессовой (экстремальной) ситуации».

Глава 8

Рита вышла из здания Следственного комитета и отправилась в ближайший киоск за сигаретами. Она уже почти пять часов не курила. Перед тем как войти в Следственный комитет выкурила последнюю сигарету.

Купила «Кент 4», откупила пачку, вытащила одну сигарету, прикурила, с наслаждением затянулась. Огляделась вокруг. Такой солнечный день выдался сегодня. С утра было пасмурно. А сейчас чувствовалось приближение весны. Снега в этом году выпало очень много, похоже, он даже не начал подтаивать, но день стал заметно длиннее. Хотелось прогуляться до дома пешком, поглядеть на дома, на деревья, на прохожих. Но беспокойство за Игоря заставило Риту пойти на автобусную остановку.

Маршрутное такси подъехало только через пятнадцать минут. Народу было столько, что ехать пришлось стоя. Водитель сделал вид, что не замечает стоящих пассажиров: чем больше людей, тем больше заработает. Рита пригнулась, во весь рост стоять в маршрутке не получалось. В таком положении она проехала две остановки. Наконец освободилось место, на Советской всегда выходит много народу. Рита огляделась. Ей показалось, что все как-то подозрительно на нее смотрят. Впрочем, это не удивительно, ведь два дня назад ее показывали по всем главным телеканалам страны. Она просила вернуть ребенка. Однако никакого сочувствия на этих лицах нет. Люди с любопытством разглядывают ее. А вдруг ей только кажется, что все на нее смотрят?

– Улица Яблочкова. Выходит кто-нибудь?

– Да, остановите, пожалуйста.

Рита через сквер направилась к дому. Ей не терпелось увидеть Игоря. Им надо все обсудить. Может, стоит на время уехать из города? Бесконечные походы в Следственный комитет, допросы, осмотры жилья уже невозможно выносить. На углу около своего дома она заметила людей в полицейской форме. Неужели опять будут задавать вопросы? Она подошла ближе к трем мужчинам в погонах, но они не обратили на нее внимания, продолжая рассматривать какие-то бумаги. Рита облегченно вздохнула и прибавила шагу. Ей хотелось побыстрее оказаться дома, захлопнуть дверь и никого не видеть и не слышать, кроме Игоря. Открыв входную дверь, она поняла, что мужа дома нет. «Странно», – подумала Маргарита, но на мобильный звонить не решилась. Игорь не любит беспричинных звонков. Не снимая обуви, прошла в комнату. Она не могла понять, куда он подевался, начала нервничать. Резкий звонок домашнего телефона заставил ее вздрогнуть. Метнулась к аппарату, чтобы снять трубку, так как решила, что звонит муж. Но передумала отвечать. А вдруг опять следователь или кто-то другой из полиции? За эти три дня она так устала от полиции, телевидения, психологов, волонтеров. Телефон настойчиво продолжал звонить. «Скорее всего, это все-таки Игорь», – пронеслось в голове.

– Алло.

– Ритка, привет! – голос подруги звучал взволнованно. – Я уже испугалась, ты целый день не отвечаешь на звонки.

Рита бы оборвала разговор, сославшись на головную боль, но, услышав, что целый день на телефонные звонки никто не отвечал, решила уточнить:

– А во сколько ты звонила?

– Да целый день! Начиная с одиннадцати утра. Я просто хотела спросить, может быть, я могу чем-нибудь помочь? Может, прийти к тебе?

– Да нет, я так устала сегодня, целый день в Следственном комитете провела, наверное, сейчас лягу спать.

– А что нового следователи говорят? Вышли на след преступника?

– Нет. Если они так будут искать, то никогда не выйдут.

– Почему ты так думаешь? – удивилась Ольга.

– Потому, что не там ищут.

– Мне кажется, ищут по всему городу, и у нас по домам ходили, спрашивали, кто, что видел. Не волнуйся, Леночку обязательно найдут. Я чувствую, что все будет хорошо.

– В том-то и дело, что они ходят по домам, а не ищут. Неужели ты считаешь, что похитители будут спокойно сидеть в соседнем доме? Они уже где-то в Москве, а может быть, совсем в другой стране.

– Но как это можно узнать, если не найти свидетелей? Все случилось белым днем. Наверняка много народу видело, кто увез коляску. Поэтому полиция тщательно всех допрашивает.

– Да не хотят они искать ее. Мне тяжело об этом говорить, пойду спать.

– Рит, подожди, а Игорь где?

– Не знаю.

– Может быть, завтра к тебе прийти?

– Нет. Меня завтра опять вызвали на допрос. Пока.

– Пока.

Рита повесила трубку и вздохнула с облегчением. С Ольгой она училась в медучилище. За время учебы они успели подружиться. Ей нравились их отношения. Ведь раньше с ней вообще никто не дружил. Да, жизнь изменилась. Теперь у нее был муж, хотя в официальном браке они не состояли. Но ее и так все устраивало. Она родила Леночку. У нее появились подруги. Она теперь не та пацанка из деревни Перелазы, до которой никому не было дела. Рита не хотела вспоминать прошлое. Особенно воспоминания о матери навевали тоску. Никогда не нужна была Рита своей матери. Никогда.

Рита подошла к окну, на улице уже темнело. Где же Игорь? Игорь – самый главный человек в ее жизни. Где он? Рита села в кресло и закрыла глаза.

– Игорь, Игорь, Игорь, – шептала она, не открывая глаз. Как будто молилась. И молитва ее минут через сорок была услышана. Щелкнул замок. Игорь! Она выскочила ему навстречу.

– Что нового? – грубо обратился к ней супруг.

– Все нормально.

– Что у тебя нормально? Что сказал следователь?

– Ну, ты же знаешь, – начала Рита плаксиво, – что он может сказать нового? Я больше не могу туда ходить.

– Заткнись, сука, – муж отвесил ей подзатыльник, после чего она, испугавшись, притихла. – Натворила дел, теперь разгребай. Все, я завтра уезжаю в Москву, а ты как хочешь, так и разбирайся здесь. И зачем это ты поперлась к психологу? Что, проблемы с башкой начались. Так я тебя сейчас быстро вылечу. Я с тобой тут нянчусь, как с грудным ребенком. Взял тебя, инвалидку чертову, из деревни в город перевез, в нормальную квартиру поселил! Деньги зарабатываю. Живи, Риточка, да радуйся! Чего тебе не хватает? Проблем захотела, да? Чего молчишь, как овца? Я тебя спрашиваю, проблем захотела?

Рита притаилась в кресле. Когда муж начинал буянить, она даже дышать боялась. Она поняла, что он где-то выпил. Когда он начинал вспоминать про то, что вытащил ее, инвалида, из той жизни, это означало, что Игорь выпил изрядно. Накричавшись, он обратился к Рите в более спокойном тоне.

– Про меня спрашивали? – Да.

– Что ты им сказала?

– Следователь спросил, во сколько ты придешь, я ответила, что не знаю.

– Могла бы сказать, что я занят.

– Откуда я знала, ведь ты же меня не предупредил.

– Предупредил, не предупредил. Ладно, иди, ложись, я тоже сейчас приду.

Рита перебралась из кресла в кровать, которая весь день простояла разобранная, укрылась с головой одеялом. Она тихо лежала, ждала, пока ляжет Игорь. Рита знала, что сейчас его агрессия пройдет. Он ляжет рядом с ней, обнимет ее, а она обнимет его. Будет его целовать. Целовать его всего, от макушки до пяток. И он в очередной раз поймет, что она самая лучшая на свете.

Глава 9

Следователи отрабатывали самые разные версии: девочку похитила бездетная пара или психически больной человек, увезли в соседний регион, в Москву, за границу. Очень тщательно отрабатывали версию недоброжелателей Риты, возможно, кто-то ей мстил. В Перелазях уже допросили часть ее бывших одноклассников, соседей. Деревня небольшая, там все друг друга знают. Кто-то отзывался о Рите хорошо, а кто-то не очень. Однако никаких зацепок, которые бы вывели на след преступника, найти не удалось. Подругу Риты не было, сказать, чтобы кто-то ей завидовал, тоже нельзя. Наоборот, все считали ее убогой. Во-первых, у девочки не было отца, а мать – алкоголичка. Во-вторых, она была инвалидом. Все знали про врожденный вывих бедра. То, что Рита уехала в Дубровск, родила ребенка, имела сожителя – люди знали, но никого это особенно не волновало. Некоторые радовались, что у нее все устроилось. Большинство относилось к ее судьбе безразлично. Среди деревенских парней не нашлось таких, которые бы с ней раньше встречались. Ребятам она была неинтересна. Поэтому версия мести отпала сама собой.

Классную руководительницу Елену Юрьевну Добровольскую Танов решил допросить лично. Она должна больше других владеть информацией о жизни Ястребовой. В целях экономии своего времени Павел Николаевич выписал Елене Юрьевне повестку, а оперативные сотрудники доставили женщину в Следственный комитет.

Из ее рассказа Танов узнал, что Добровольская – ветеран труда. Проработала в сельской школе всю жизнь. В классе, где училась Рита, была классным руководителем с самого начала, то есть с пятого класса.

– Сколько в классе было учеников? – Танов задавал вопросы по заранее составленному плану, чтобы ничего не упустить.

– До девятого класса – восемнадцать, потом шесть человек ушли, и осталось всего двенадцать. А одиннадцать классов закончили только десять человек. Катя Новикова и Света Зимина ушли после десятого класса, они совсем слабенькие были, ели на тройки вытягивали, – Елена Юрьевна старалась отвечать на вопросы подробно, надеясь, что хоть чем-то поможет в расследовании дела.

– А что вы можете сказать насчет Риты Ястребовой?

– Что могу сказать насчет Риты? – учительница задумалась, не зная, с чего начать. – Сложным она была ребенком. Из всех неуспевающих детей самым сложным. Отца у Риты никогда не было, а мать, вы, наверное, уже знаете, сильно выпивала. Воспитанием дочери никогда не занималась. Ни на одном родительском собрании я ее не видела. Девочка росла сама по себе. Успеваемость, сами понимаете, никакая. Некоторые учителя из жалости глаза закрывали, выставляли ей тройки. Некоторых я просила двойки за четверть не ставить. Иначе уже давно попала бы девчонка в спецшколу.

– Уточните, пожалуйста, одну деталь, – Танов оторвался от компьютера и посмотрел на Елену Юрьевну. – Она не могла или не хотела учиться?

– Головка у нее была светленькая. При желании могла бы неплохо успевать. Я ведь иногда оставалась с ней после уроков, помогала с математикой. Она быстро все схватывала. Совсем не глупая была. Вот так время потрачу, новую тему объясню, она даже на четверку контрольную работу могла написать. Несмотря на то, что я учитель математики, иногда и другими предметами с ней занималась. У нас Анастасия Владимировна, учитель по русскому языку и литературе, женщина очень несговорчивая. Ее трудно о чем-то просить. Не хотела Ястребовой тройки просто так выставлять. Все время напоминала, что тройку тоже заработать нужно. Ее даже сам директор школы вызывал и просил Рите помочь. Иногда я оставалась с ней после уроков, русский язык разбирала. Или сама сяду тетрадки проверять, а Риту рядом посажу и стих по

литературе наизусть учить заставляю. Все у нее получалось. Несколько раз после уроков к себе домой ее забирала. Там позанимаюсь, накормлю заодно. Ей бы нормальных родителей, и все хорошо было бы.

– Вы считаете, что все проблемы у Ястребовой только из-за матери?

– Конечно. Ей ведь даже надеть нечего было. Все своих детей стараются к первому сентября как можно лучше собрать. У нас некоторые девочки в классе так одевались, вы себе представить не можете! Несмотря на то, что деревня маленькая, в некоторых семьях такой достаток! У кого-то родители в Дубровске работают, у некоторых детей даже в Москве. Те, которые в Перелазах, тоже деньги имеют. В августе, как правило, картошку выкопают, большую часть продадут и к школе детей собирают. Одна только Рита из всего класса выделялась. Поэтому ни одной подруги не имела. Не хотели девчонки с ней общаться.

– Так как же она выживала? Куда смотрели органы опеки?

– Мать Ритину, Шуру, лишали материнства. Но потом дочь вернули. Насколько я знаю, дядька, родной брат ее матери, немного денег давал. Он жил в другом районе, сейчас и не вспомню, в каком, иногда небольшие переводы присылал.

– А враги у Риты были?

– Да нет, что вы! Какие враги? Она никого не интересовала. Так иногда посмеивались девчонки над ней, но не то чтобы злобно. Рита к своему положению привыкла и ни на что не реагировала.

– На уроках она как себя вела?

– Сносно. Не могу сказать, чтобы мешала урок вести, сидела тихонечко на задней парте. Бывают дети намного хуже. И завуча, и директора приходится вызывать прямо в класс. Проблемы были только тогда, когда она от матери убегала. Бывало, день не приходит в школу, два не приходит, пошлю кого-то из ребят ее проведать, узнать, почему в школе ее нет. А оказывается, что и дома тоже нет. Сбегала она от такой жизни, и не раз. Приходилось к директору идти, ставить в известность, что ученица пропала. Кучу докладных и объяснительных писать. Не дай бог, что с ребенком случится, потом ведь в тюрьму сядешь. Все на тебя повесят. Первым делом скажут: куда школа смотрела, ребенка столько дней в школе нет, а никто его и не ищет. У нас принято, если ученик заболел, родители в обязательном порядке уведомляют классного руководителя о причине его отсутствия. Поэтому, как только Ритка пропадала, соберемся, бывало, с ребятами и ищем ее по всей деревне. Один раз не нашли, ушла в соседний поселок. Потом сотрудники милиции ее в Перелазы привезли.

– А что мать, не искала свою дочь?

– Что вы! Она со своим пьянством даже не понимала, что дочери дома нет. Она совсем не осознавала, что происходит. Я пару раз пыталась с ней побеседовать, но это без толку.

– Елена Юрьевна, с девчонками в классе, вы говорите, Рита не общалась, а как мальчишки к ней относились?

– Никак не относились. В старших классах мальчишки начали обращать внимание на девочек. Это было очень заметно. Кто-то дружил с одноклассницами, кто-то с теми, что постарше. Одна Рита была никому не интересна. Она чувствовала свою ущербность, понимала, что не такая как все. К тому же у нее было врожденное заболевание – вывих бедра. Ее даже от физкультуры освободили.

– Вы абсолютно уверены, что врагов у нее быть не могло?

– Абсолютно в этом уверена. Был однажды неприятный инцидент, когда Рита у Кости Лопатина украла телефон. Но его быстро нашли, даже в милицию сообщать не стали. Костя так разозлился, угрожал ей физической расправой. Это в восьмом классе было. Но чтобы мстить ей спустя столько времени и таким образом... Нет, он бы не стал. У него в жизни все прекрасно сложилось. В технологический институт поступил. Живет и учится в Дубровске.

– Продиктуйте, пожалуйста, еще раз его фамилию.

– Лопатин. Вы его искать собираетесь?

– Мы пытаемся опросить как можно больше людей, – Танов заменил слово «допросить» на «опросить», чтобы звучало более мягко.

– Мне кажется, из Перелаз никто к похищению ребенка отношения не имеет. Наоборот, все рады, что Рите наконец-то в жизни повезло.

– Спасибо большое, что уделили время следователю, – Павел Николаевич встал. – Я провожу вас до проходной.

Когда он вернулся в кабинет, открыл телефонограмму, поступившую из Москвы сегодня утром. Наконец-то удалось составить фоторобот предполагаемого похитителя. Фоторобот составляли со слов экстрасенсов в присутствии психолога и трех оперов. Экстрасенсы довольно часто в последнее время помогали раскрытию преступлений. Сейчас они с уверенностью утверждали, что коляску с ребенком похитил мужчина кавказской внешности. Танов не стал самостоятельно принимать решение о выставлении его в розыск, решил посоветоваться с начальством. Одно дело, если фотопортрет составлен со слов свидетеля, другое дело, если со слов экстрасенсов.

Танов был, что называется, тертый калач, опытный следователь. Интуиция подсказывала ему: мать ребенка что-то скрывает. Вариантов несколько: отец Лены Ястребовой уехал на заработки в Москву, а мать, то есть Маргарита Ястребова, привела любовника, который затем похитил девочку. А может быть, хотя мало в это верилось, Ястребова продала своего ребенка? Надо направить поручение оперативным сотрудникам, чтобы проверили все связи Ястребовой с лицами кавказской национальности. Надо провести проверку ее показаний на полиграфе.

Все это необходимо как следует оформить, бумажной работы у Танова хватало на весь остаток сегодняшнего дня. Еще ему надо было перечитать показания всех свидетелей, которых допрашивали ранее. Не всегда допросы, произведенные другими сотрудниками, его удовлетворяли. Очень часто приходилось повторно допрашивать людей, которые ранее давали показания другим следователям, так как многие детали были упущены.

Звук приближающихся шагов заставил оторвать взгляд от бумаг. В кабинет вошел старший следователь Есаков.

– Павел Николаевич, мне пришла в голову такая мысль, – он замолчал и поднял указательный палец правой руки вверх, как бы указывая на потолок. – Вы же завтра будете работать с Ястребовой?

– Ну, естественно. Говори, не тяни, работы много.

– А что если мы проведем личный обыск? Она ведь не думает, что мы станем ее обыскивать? Исследуем содержимое сумочки, телефончика мобильного? Она ведь с сумкой приходит?

– Вроде да, – Танов задумался. – А где аргументы? С чего вдруг проводить личный обыск человека, которого мы ни в чем не подозреваем? К тому же понятых придется искать. Ну, допустим, мы имеем право провести такое мероприятие, как осмотр содержимого ее сумки. А как сделать так, чтобы она этого не заметила? Предложить чаю и туда насыпать снотворного? – пошутил Танов.

– Зачем? Скажем, например, что нашли предполагаемого преступника, выведем ее из кабинета как бы для опознания. Сделаем это так, чтобы она заинтересовалась и про сумку не вспомнила. А пока Ястребова будет отсутствовать, мы ее сумочку и прошерстим. А? Как тебе такая идея?

– Да, идея неплохая, – согласился Павел Николаевич. – Это было бы не лишним. Что-то эта девица не договаривает. С обыском идти к ней на квартиру не стоит. Спугнуть можем. А чувствует мое сердце, что-то она скрывает. Скорее всего, любовнику нее был, пока мужик в Москву на заработки ездил. Может, с похищением это не связано, но вычислить любовничка мы просто обязаны.

– Тогда заряжай поручение техникам.

– А как ты себе это представляешь? Если проводить осмотр с их помощью, надо к их начальнику идти. Только он может подписать бумаги на то, чтобы ребят задействовать. Может, договоришься с ними? Бумажная волокита займет не один день.

– Если бумаги не оформлять, то, как мы в дело-то это внесем?

– Обыкновенно, мы сами вполне могли это сделать. Это уж точно никто не проверит, – Танов встал и прошелся по кабинету. – Нам хотя бы для себя знать, в каком направлении работать. А потом будем официальные доказательства собирать. Если что-то интересное найдем, то тогда все и оформим.

– Ну, хорошо, я договариваюсь на завтра. На какое время?

– Давай на одиннадцать. Чтобы я успел с ней побеседовать. Да, вот еще, муж Ястребовой на допрос сегодня не явился.

– Ну, правильно, его же никто не вызывал.

– Я вызывал. Ястребову предупреждал, что жду его сегодня.

– Повестку надо и опера прямо к нему домой отправить.

– Уж если бы, тьфу, тьфу, тьфу, у меня ребенка похитили, я бы сам к следователю побежал. Ладно, повестку сейчас выпишу.

– Во сколько его сюда доставить?

– К десяти.

– Будет сделано, – Есаков вышел из кабинета.

Танов тщательно спланировал завтрашнее мероприятие, написал примерный план допроса Ястребовой и в начале одиннадцатого пошел в гостиницу. На улице было многолюдно. Ведь это самый центр Дубровска. Следственный комитет находится рядом с парком культуры и отдыха имени Пушкина. А там множество ресторанчиков, кафе. Танов и сам с удовольствием побродил бы по вечернему городу, послушал, как люди беспечно смеются, болтают о том, о сем. Подышал бы целебным воздухом ранней весны, вспомнил молодые веселые годы. Однако он повернул в сторону площади Ленина, срезал угол и вышел к гостинице. Когда проходил мимо ресторана, располагавшегося на первом этаже гостиницы, почувствовал, что хочет есть. Павел Николаевич решил поужинать. Заказал кусок мяса и сто пятьдесят граммов водки, хотя прекрасно знал, что на ночь наесться не стоит, а тем более не стоит употреблять спиртное. Но если работать с утра до ночи и не давать организму никаких послаблений, то можно и ноги протянуть.

Молоденькая официантка обслужила Танова быстро. Поужинал он тоже быстро, не рассиживаясь. Уже после первых пятидесяти грамм почувствовал приятное расслабление, а после ста пятидесяти захотелось еще. Но Павел Николаевич оплатил счет и поднялся на свой этаж.

Войдя в номер, Павел Николаевич взглянул на часы. Начало двенадцатого, не так уж поздно. Он позвонил домой, зная, что Тамара не ляжет спать, пока не дожидается его звонка. Сама она звонить не станет, если нет особой необходимости.

Жена ответила сразу и озабоченно спросила:

– Ну что, нашли?

Ни одно уголовное дело, которое расследовал муж, не волновало ее так, как это. Потому что в других делах чаще всего было ясно: человека убили, его больше нет. А здесь оставалась надежда, что ребенка найдут.

– Ищем, – как всегда коротко ответил Танов.

– Ну, хоть какие-то предположения есть?

– Дорогая, у следователей всегда должны быть предположения, – постарался свести разговор к минимуму Танов.

– Но ребенок-то жив? – не унималась супруга.

– Пока не знаем. Мы работаем. Ты обо всем узнаешь первой. Расскажи мне лучше как Ванька?

– Нормально. Спит уже.

– Что в школе?

– Да так, вроде ничего особенного. Все хорошо.

Ване было восемь лет, он учился уже во втором классе. Учился неплохо, но живой нрав мальчика то и дело давал о себе знать. Подрался с Сережей, разбил окно, попал мячом Юре по уху, смеялся в столовой и разлил кисель – вот они, родительские будни. Вспомнив об этом, Танов улыбнулся.

– Что в выходные планируете?

– А ты разве не приедешь? – в голосе жены послышалась досада.

– В эти не получится, тут столько работы, что даже поесть не успеваем. Дело на контроле у самого генерал-полковника.

– А мы соскучились.

– Не скучайте, в следующую субботу надеюсь вырваться. А сейчас надо ложиться, завтра куча работы. Пока, Тома, – Танов очень любил называть жену этим именем, таким простым, домашним.

– Пока, милый.

Павел Николаевич попрощался с женой и отправился в душ. Перед сном обязательно надо смыть все отрицательное, что накопилось за день. Это он прочитал в какой-то умной книге, но в какой именно, уже забыл. К тому же, теплая вода действовала на него как снотворное. Сто пятьдесят граммов водки, которые он выпил в ресторане, помогли переключить мысли с работы на личную жизнь. Он с досадой вспомнил, что уже лет пять не был в кино, года два не играл в свой любимый футбол. А ведь это он мог делать даже в рабочее время, у них два часа в неделю отведено для физподготовки. Все из-за чертовой работы. Надоело. Ни одной свободной минуты. Все, это последнее дело, и хватит. Он начнет вести нормальный образ жизни. После работы домой. Выходные – дома, с семьей. По четвергам играть в футбол. Танов еще немного помечтал и не заметил, как уснул.

Глава 10

Тяжелый мокрый снег шел всю ночь. Наутро Танов, выйдя из гостиницы, чуть не поскользнулся прямо на крыльце. Но дышалось легче. После снегопада всегда легко дышится.

Танов пошел на работу пораньше, чтобы до прихода Ястребовой успеть напечатать ряд запросов и поручений. Рита была вызвана к девяти часам. Танов шел, тихо насвистывая. Ему нравилось в Дубровске. Старый русский город. Основательный. Доброжелательный. Хорошо здесь, если не думать о похищенном ребенке.

В девять часов он, как и планировал, начал очередной допрос Маргариты Ястребовой.

– Продолжим, – следователь посмотрел на часы и уткнулся в компьютер. – Кто из родственников чаще всего навещал вас?

– Отец Игоря приезжал. Они вместе работали в Москве. Когда возвращались, он ночевал у нас, а утром первым автобусом отправлялся в Перелазы.

– Как отец Игоря относился к вашему ребенку?

– Он любил внучку, – бойко отвечала Рита, так как поняла, что с этим следователем шутки плохи. – Покупал ей всякие подарки.

– А со своими родителями вы общаетесь?

– Нет. Отца я вообще не знаю. Мать алкоголичка. Ей нет до меня никакого дела.

– Что же, она совсем не интересуется, как вы живете?

– Совсем не интересуется. Она даже не стала искать меня, когда я уехала из дома.

– Получается, вы сбежали?

– Никуда я не сбегала.

– Значит, мать разрешила вам, не достигнув совершеннолетия, жить с взрослым мужчиной в Дубровске?

– Я у нее не спрашивала, – Рита подумала, что опять разговор пошел о том, что не касается похищения ее дочери, но перечить следователю Танову побоялась. – Я поступила в училище, ездить в деревню каждый день тяжело. Игорь позвал меня к себе жить. Он жил один. Снимал квартиру.

– Но мать-то знала, что вы с ним живете?

– Ей все равно. Я же говорю, я никогда ее не интересовала. Ей нужны были только мужики. Каждый день у нас в доме ночевали такие же, как она, алкоголики, – по щекам Риты покатались слезы, и Танов понял, что впервые она плачет по-настоящему. Он не стал перебивать ее рассказ, решил дать ей выговориться. – Бывало, она, пьяная, засыпала, где придется: на полу в кухне, в коридоре, на крыльце. Я не могла это видеть и убегала из дома. Она ни разу меня не искала. Если кто и искал, то это из школы. Класска моя, Елена Юрьевна, одноклассники бегали – искали. Однажды я не появлялась дома десять дней, а когда вернулась, застала мать с двумя алкашами. Они пили самогонку, закусывая черствым хлебом. Им было хорошо. Мама даже не заметила, что меня не было дома так долго. Я опять хотела убежать, но пойти было некуда, и я осталась ночевать дома. Легла в дальнем углу, у меня там своя старая кровать, задернула штору, но уснуть не смогла. Жуткие крики, вопли, ругань не стихали всю ночь. Слышались какие-то хрипы, стоны, кто-то кого-то бил, кто-то падал, подымался, матерясь и завывая, опять хрипел и стонал. Я не выдержала, вышла из своего угла. Мать лежала голая на полу, лицом вниз. Алкаш одной рукой держал ее за волосы, а второй за шею. Представляете, как она напилась, что даже ничего этого не чувствовала! Я думала, она умрет той ночью. Но утром она проснулась и, как ни в чем не бывало, допила остатки самогонки прямо из горла, разбудила своих гостей, и они ушли все вместе. Ушли в деревню – пищу добывать, наверное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.